

ТОМАС

ГАРДИ

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Томас Харди
Возлюбленная

«Издательство АСТ»

1892

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Харди Т.

Возлюбленная / Т. Харди — «Издательство АСТ», 1892

ISBN 978-5-17-157677-6

Сорок лет талантливый скульптор Джоселин Пирстон до одержимости упорно трудится, мучается, страдает, пытаясь воплотить свою главную творческую мечту — создать статую женщины идеальной красоты. Однако воображение не помогает ваятелю: придуманный идеал мертв по определению. Пирстон понимает: чтобы воплотить терзающий его образ в камне, надо сначала найти его наяву. Например, среди обитательниц острова Виндилия...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157677-6

© Харди Т., 1892
© Издательство АСТ, 1892

Содержание

Предисловие автора	6
Часть I	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Часть II	35
Глава 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Томас Гарди
Возлюбленная
Роман

Thomas Hardy
The Well-Beloved

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие автора

Высеченный временем из единой скалы полуостров, где происходят почти все описываемые события, с незапамятных времен служил домом удивительным, а порой необыкновенным людям, хранившим странные верования и обычаи, теперь уже по большей части забытые. Подобно некоторым нежным растениям, которые не способны вынести морозы внутри материка, но при этом прекрасно уживаются с непредсказуемым приморским климатом, легенды возникают здесь естественно, будто сами собой, особенно среди местных обитателей, активно не занятых в экономической жизни края.

Вот почему именно в этом удивительном и странном уголке возник персонаж, который описан на этих страницах. Кое-кто назовет его фантазером (если, конечно, удостоит вниманием), другие увидят в нем человека, способного воплотить в реальность и наделить именем свойственную философской школе Платона утонченную мечту, которую в туманной форме разделяют почти все мужчины.

Тех, кто хорошо знаком со скалистым английским берегом, нависшим над входом в Ламанш, так далеко выдающимся в море, что теплое дыхание Гольфстрима ощущается вплоть до февраля, нередко удивляет, что художники и поэты не едут сюда в поисках вдохновения хотя бы на месяц-другой, причем в бурное время, а не в прекрасную солнечную погоду. Несомненно, один из потаенных здешних уголков служит прибежищем гениев из дальних краев, хоть их присутствие и почти незаметно. И все же хорошо, что художники, писатели и другие люди искусства пренебрегают этим местом, иначе мы бы уже ничего не знали о сделках с недвижимостью, построенной еще в Средние века, и не имели возможности любоваться каменными домишками со средниками, крошечными навесами и карнизами. Кстати, здесь было принято все подобные сделки заключать и заверять в местной церкви, в присутствии прихожан.

Что же касается представленной на суд читателя истории, то, в отличие от большинства других подобных, она целиком плод воображения, если не откровенных фантазий автора, поэтому последовательность описанных событий полностью подчинена достижению его цели.

Первая публикация романа как самостоятельного издания состоялась в 1897 году, однако в периодической прессе он появился еще в 1892-м под названием «В поисках Возлюбленной». Некоторые главы были специально переработаны для этого, окончательного варианта.

Август 1912

Часть I

Молодой человек двадцати лет

*И вот, пусть знает Время,
Что та, чей взор сияет ярче звезд,
Чей лик прекрасней солнца,
И есть моя любовь:
Другой я не ищу.*

Р. Крэшо

Глава 1

Юный ураган по имени Эвис

По крутой дороге, что пересекает городишко Стрит-оф-Уэлс графства Уэссекс и ведет к проливу Ла-Манш, поднимался молодой человек, заметно отличавшийся от местных жителей. Стоит упомянуть, что с землей этот участок суши, бывший остров, связан лишь узким длинным каменистым перешейком, который, как считали старожилы, накидало разгневанное море и не имело аналогов в Европе.

Путник выглядел так, как и должно столичному джентльмену, и вряд ли кого-то удивил бы своим внешним видом: городской облик не больше чем оболочка.

Преодолевая крутой каменистый подъем, молодой человек с раскаянием думал о том, что в последний раз навещал отца и свою суровую родину больше трех лет назад, а все это время провел в далеких краях, среди множества разнообразных людей и необыкновенных пейзажей.

То, что нисколько не удивляло, пока он жил здесь, на «острове», теперь, по прошествии времени, выглядело странным и даже причудливым. Сейчас это место особенно напоминало древний остров Виндилия, чем, если верить легенде, когда-то и было. Дома здесь громоздились один на другом: порог верхнего возвышался над трубой нижнего, – огороды с почти вертикальными грядками овощей казались подвешенными к небу. Весь остров представлял собой, по сути, похожую на башню скалу известняковой породы высотой в четыре мили. Этот удивительный пейзаж уже не воспринимался с детства знакомым, близким и родным, напротив: на фоне темно-синего моря все вокруг казалось ослепительно белым, а солнце придавало слоистым стенам руин вид высушенного до фарфорового блеска скелета, заставляя по-новому увидеть некогда знакомые картины.

После долгого изматывающего подъема молодой человек наконец взобрался на вершину скалы и по плато направился к месту назначения, которое здесь называли Восточной деревней. В два часа пополудни, в самый пик летней жары, дорога так вымотала, что на подступах к отцовскому дому он присел передохнуть на выжженную солнцем траву на обочине.

Прислушавшись, он уловил характерные звуки, похожие на храп, которые привык слышать с детства: это в карьерах круглосуточно добывали драгоценный известняк каменщики.

Напротив того места, где присел отдохнуть путник, возвышался просторный дом. Как и сам остров, он весь состоял из камня: не только стены, но и оконные проемы, крыша, трубы, забор, ступеньки, – такими же были и хозяйственные постройки.

Молодой человек вспомнил, что прежде здесь жила – а возможно, живет и по сей день – семья Каро. Их называли «Каро с чалой кобылой», чтобы не путать с другими Каро: ведь на всем острове было не больше полудюжины фамилий. Поднявшись, молодой человек перешел через дорогу и осторожно заглянул в приоткрытую калитку. Да, здесь по-прежнему жили те же люди. Миссис Каро увидела его в окно вышла на порог поприветствовать, а спустя мгновение за ее спиной появилось юное создание – девушка лет семнадцати – и с радостным криком бросилась дружески обнимать и целовать гостя.

– А вот и дорогой Джос!

Если смотреть на обладательницу светло-ореховых глаз и пышных каштановых локонов, то столь непосредственная демонстрация горячей симпатии выглядела восхитительно, однако джентльмену чувства показались слишком бурными: он невольно поморщился и отреагировал довольно сдержанно:

– Милая малышка Эвис, как поживаешь?

В импульсивной невинности девушка не заметила его холодности и смущения, чего не скажешь о миссис Каро: ничего не упустив и густо покраснев, дама попеняла дочери:

– Эвис, дорогая! Ну что такое ты делаешь? Пойми: с тех пор как Джоселин – то есть мистер Пирстон – уехал, ты успела стать взрослой девушкой, а стало быть, вести себя так же, как три-четыре года назад, недопустимо!

Пирстон не без труда загладил возникшую неловкость заверением, что нисколько не удивлен: не стоит переживать, – и последовавшим обменом несколькими фразами на общие темы. С раздражением подумал он о том, что невольная реакция выдала его растерянность, и осознал, что если станет относиться к Эвис иначе, чем прежде, то она никогда не простит охлаждения. Расстались они дружески, однако лицо девушки все-таки выразило не только сожаление, но и разочарование.

Джоселин, наконец, покинул гостеприимных соседок, вышел на дорогу и направился к расположенному неподалеку родному дому, а мать и дочь остались вдвоем.

– Ты поразила меня, дитя! – сердито воскликнула миссис Каро. – Молодой человек вернулся из столицы, наверняка жил и за границей, привык к строгим манерам, где леди считают вульгарными не только смех и восторги, но даже широкие улыбки! Как ты смогла позволить себе такую вольность, Эвис?

– Я как-то... не подумала об этом: ведь мы вместе выросли! – с раскаянием и смущением пролепетала девушка. – Раньше мы с Джосом всегда целовались при встрече...

– Тогда вы были детьми, дорогая.

– О да, но в ту минуту я обо всем забыла! Он показался точно таким же, как прежде.

– Ну, теперь уже ничего не изменить, но в будущем веди себя осторожнее. Наверняка мистер Пирстон общался со многими девушками и вряд ли вспоминал о тебе. Говорят, он теперь скульптор и со временем обязательно прославится.

– Ах как жаль, что ничего исправить уже нельзя! – горестно вздохнула девушка.

Тем временем молодой, но подающий надежды скульптор Джоселин Пирстон подошел к дому отца – чуждого искусства простого ремесленника и торговца, от которого, однако, он снисходительно принимал сулившее грядущую славу немалое ежегодное содержание.

Поскольку уведомления о своем приезде Джоселин не посылал, мистер Пирстон куда-то ушел, и никто не встречал дорогого гостя. Джоселин немного постоял, обозревая знакомую с детства картину: просторный двор, где вечные пилы трудились над вечными каменными блоками (казалось, это были те самые пилы и те самые блоки, что и в прошлый приезд), и прошел через дом в сад.

Как все сады и огороды на острове, этот был окружен сложным из каменных плит забором, а в дальнем конце соседствовал с владениями семейства Каро. Едва приблизившись к границе своего участка, он услышал доносившиеся из-за стены рыдания, время от времени прерываемые горестными причитаниями. Голос, без сомнения, принадлежал Эвис: бедняжка с кем-то делилась переживаниями.

– Ах как жаль! Что же теперь делать? – то и дело восклицала девушка. – Вела я себя недопустимо: дерзко, развязно, бесстыдно! Он никогда мне этого не простит и вряд ли захочет дружить! Наверняка считает меня невежей и нахальной девицей, а я всего лишь забыла... что уже не ребенок. Только ведь он этому никогда не поверит!

Казалось, Эвис впервые осознала, что превратилась в девушку, и это было для нее неприлично, пугающе и даже постыдно.

– Он рассердился? – спросил ее кто-то – может, подруга.

– О нет, не рассердился, хуже: был холоден и высокомерен. Сразу превратился в джентльмена, эдакого светского хлыща, совершенно непохожего на парней с острова. Но какой смысл теперь это обсуждать? Лучше бы мне провалиться сквозь землю!

Пирстон поспешил удалиться, искренне сожалея о том, что причинил невинной душе столько страданий, но в то же время почему-то испытывая удовольствие. Вернувшись в дом, он дождался возвращения отца, а после обеда опять вышел с искренним желанием утешить

юнюю соседку неожиданным для нее способом. Впрочем, надо отметить, что Джоселин испытывал скорее дружеские, чем какие-то иные чувства, и ни в коем случае не предполагал, что та блуждающая, неуловимая, постоянно перелетающая из одной телесной оболочки в другую идеализация женского начала, которую он называл любовью, собиралась воплотиться в образе Эвис Каро.

Глава 2

От дружбы к романтике

Встретить девушку снова оказалось нелегко, даже несмотря на то, что обычно на этом каменистом пяточке куда сложнее разминуться, чем столкнуться. Похоже, смущение, порожденное слишком эмоциональным приветствием, до неузнаваемости изменило Эвис. Так что, несмотря на соседство, как бы Джоселин ни старался, увидеть ее не сумел. Стоило ему переступить порог дома Каро, она тут же, подобно лисе, пряталась в нору – то есть скрывалась наверху, в своей комнате.

Стремясь загладить невольный промах и утешить девушку, Джоселин не пожелал долго терпеть хитроумные уловки. На острове царили самые простые, порой даже примитивные, нравы, причем и среди представителей зажиточной части населения, поэтому, в очередной раз заметив бегство подруги детства, молодой человек вошел в дом и, остановившись возле лестницы, громко позвал:

– Эвис!

– Да, мистер Пирстон.

– Почему ты убежала наверх?

– О, мне срочно понадобилось кое-что здесь взять.

– Но теперь-то ты можешь спуститься?

– Нет, пока не могу.

– Прошу тебя, Эвис!

Ответа не последовало.

– Что же, будь по-твоему: оставайся там, если хочешь. Не стану тебя беспокоить.

Пирстон гордо удалился и направился в сад. Там его внимание привлекли старомодные цветы возле стены, и он остановился, чтобы посмотреть на них, когда услышал за спиной знакомый голос:

– Мистер Пирстон, я вовсе не рассердилась на вас. Когда вы ушли, подумала, что неправильно меня поймете, вот и решила спуститься, чтобы заверить в своей дружбе.

Девушка догнала его и теперь стояла совсем близко, смущенно теребя кружевные манжеты.

– Добрая, милая Эвис! – отозвался Джоселин и, распахнув объятия, запечатлел на пылающей щеке поцелуй, ничуть не менее эмоциональный, чем тот, который сам получил по приезде.

– Дорогая моя подруга, прости мне невольный промах. Скажи, что не обижаешься! Ну же, скорее! И тогда я произнесу те слова, с которыми ни разу не обращался ни к одной представительнице прекрасного пола: «Готова ли ты стать моей женой?»

– Ах, но мама говорит, что я для вас лишь одна из многих!

– Нет, милая. Ты знала меня в пору юности, а другие не знали.

Постепенно Пирстону удалось преодолеть возражения Эвис. Хотя она и не дала немедленного согласия, все же пообещала подумать и встретиться позже. Через некоторое время Эвис сдержала слово, и давние друзья вместе пошли к южной оконечности острова, которую местные называли Ключом, так как скала здесь опасно нависала над таинственной пещерой под названием Ущелье Дьявола, где море ревело и бесилось точно так же, как в те дни, когда они приходили сюда детьми. Чтобы поддержать спутницу, Джоселин предложил руку, и Эвис приняла помощь – впервые как дама и в сотый раз как подруга.

Они побрели к маяку, где обычно проводили время, и просидели бы там до темноты, если бы Эвис не вспомнила, что вечером должна декламировать стихи со сцены в Стрит-оф-Уэлсе –

первой деревне при входе на остров, которая теперь очень старалась стать пусть и крошечным, но все-таки городом.

– Декламировать стихи! – удивленно воскликнул Джоселин. – Разве можно представить здесь другого декламатора, кроме того, которого слышим постоянно: никогда не умолкающего моря!

– О, мы здесь стали очень интеллигентными, особенно зимой. Только прошу, Джоселин, не приходи на выступление. Если увижу тебя, непременно собьюсь, а хочется прочитать не хуже других.

– Если не желаешь меня видеть, не приду. Встречу на выходе и провожу домой.

– Да! – глядя ему в лицо, радостно воскликнула Эвис. Теперь девушка выглядела абсолютно счастливой, а ведь в день его приезда трудно было даже представить, что все сложится так хорошо.

На восточном берегу острова молодые люди расстались, чтобы артистка не опоздала к назначенному времени. Пирстон вернулся домой, а когда стемнело и настало время встречать Эвис, направился по средней дороге на север, в деревню Стрит-оф-Уэлс.

На душе было тяжело. Он так давно и хорошо знал Эвис Каро, что испытывал к ней не столько любовь, сколько теплую дружбу, поэтому импульсивно сказанные утром слова пугали вероятными последствиями. Дело не в том, что между ними могли встать те светские, утонченные дамы, с которыми Джоселин последовательно водил близкое знакомство: сознание оставалось свободным от предположения, что кумир его фантазии представлял собой неотъемлемую часть той конкретной личности, в которой пребывал некоторое – будь то долгое или короткое – время.

* * *

Джоселин преданно хранил верность Возлюбленной, однако она воплощалась в разнообразных обликах.

Каждая из дам – будь то Люси, Джейн, Флора, Эванджелина или иная – представляла собой не больше чем мимолетное физическое состояние вечного образа. Факт этот воспринимался не в качестве оправдания или защиты, а просто как объективная реальность. Как правило, Возлюбленная не являлась в виде осязаемой субстанции, а представляла собой дух, мечту, безумие, фантазию, аромат, концентрацию женской привлекательности, блеск глаз, движение губ.

Один лишь бог знал конкретное воплощение прекрасной и далекой Возлюбленной. Пирстон не знал: она для него постоянно пребывала в тумане.

Никогда не задумываясь о том, что идеальная особа представляла собой субъективное явление, вызванное к жизни необычными условиями его рождения и взросления, молодой человек порой сам пугался призрачности своей избранницы, независимости от действия или нарушения физических законов.

Он никогда не представлял, какой окажется следующая избранница, куда его поведет, обладая правом немедленного и свободного доступа во все человеческие обители. Иногда ночами она представляла хитроумной и коварной дочерью всемогущего Зевса, склонной отмстить за прегрешения в искусстве против ее красоты, иногда – безупречной Афродитой. Джоселин понимал, что любит изменчивое создание в каком угодно виде: с любым цветом глаз, высокой или миниатюрной, изящной или пышнотелой.

Она никогда не пребывала в двух обителях одновременно, но до сих пор ни разу не задерживалась надолго в одной.

Некоторое время назад, осознав пикантное обстоятельство, Пирстон избежал немалого количества неприятных угрызений совести. Суть вопроса оставалась простой: та идеальная

особа, которая его привлекала и, связав шелковой нитью, вела за собой, куда ей угодно, еще не обрела постоянного телесного пристанища, и пока трудно было утверждать, что подобная обитель вскоре возникнет.

Если бы Джоселин почувствовал, что возвышенный образ воплотился в Эвис Каро, то постарался бы поверить в окончательность выбора и с радостью сохранил бы верность собственным словам.

Но действительно ли он видел Возлюбленную в Эвис? Вопрос не давал покоя.

Пирстон поднялся на вершину холма и спустился в деревню, где на длинной, прямой, сохранившейся с римских времен улице без труда заметил освещенное здание. Представление еще не закончилось. Зайдя сбоку и поднявшись на небольшую возвышенность, он увидел весь зал, включая сцену, а вскоре и Эвис, которая как раз вышла. Очаровательное смущение перед аудиторией покорило его сердце и развеяло все сомнения. Таких, как она, принято называть хорошими девочками. Она, несомненно, прелестна, настолько искренна и правильна, что с матримониальной точки зрения риск стремился к нулю. Умные глаза, высокий чистый лоб, спокойная вдумчивая манера поведения убеждала, что ни одна из знакомых девушек не обладала столь же неоспоримыми достоинствами, как Эвис Каро. Впечатление не было мимолетным и случайным: Джоселин знал ее давно и обстоятельно, со всеми настроениями и разнообразными душевными порывами.

Проехавшая по улице тяжело нагруженная повозка заглушила нежный голосок, однако публика осталась довольна выступлением, а сама Эвис мило покраснела, принимая аплодисменты. Джоселин встал возле двери, а когда зрители вышли, нашел ее в зале. Она ждала его.

Держась за руки, они пошли по старой крутой дороге домой. Крепко цепляясь за перила, Джоселин медленно карабкался вверх и тащил за собой Эвис. На вершине холма молодые люди остановились передохнуть. Слева, подобно вееру, небо пронизывали лучи маяка, а внизу, перед ними, с периодичностью в четверть минуты слышались мерные гулкие удары фантастического барабана, промежутки между которыми заполнялись тягучим грохотом – как будто огромная собака грызла гигантскую кость. Шум доносился из обширной Мертвецкой бухты, где волны бились о каменную дамбу.

Пирстону казалось, что здесь вечерний и ночной ветер нес в себе нечто такое, чего не было больше нигде. Странное эмоциональное наполнение прилетало с запада, из той зловещей бухты, дыхание которой они слышали, и представляло собой воображаемую сущность множества утонувших моряков: тех, кто погиб в битвах, пошел ко дну по пути в Ост-Индию, не смог спастись с разбитых барж, бригов, кораблей «Непобедимой армады», – а также благородных аристократов, простых людей и даже преступников, чьи интересы и надежды оставались далекими, словно полюса, но кого безжалостное морское дно уравнило на общем кладбище и превратило в единое целое. Казалось, некий огромный бесформенный призрак вобрал в себя бесконечное количество душ и теперь метался по острову, взывая к всемиростивому Богу с просьбой выпустить их на свободу и вновь разъединить.

Тем вечером молодые люди долго бродили по знакомым с детства местам и даже дошли до старинного церковного кладбища в овраге, много веков назад образованном оползнем. Церковь обрушилась вместе со скалой, и теперь представляла собой жалкие руины, словно наглядно доказывая, что в этом последнем убежище языческих божеств, где по сей день бытовали древние обычаи, христианство так и не сумело окончательно утвердиться и завоевать прочное положение. И вот в этом торжественном месте Джоселин Пирстон впервые поцеловал Эвис Каро, и на сей раз это произошло отнюдь не по инициативе девушки. Недавняя эмоциональность лишь подчеркнула нынешнюю сдержанность.

* * *

Этот день послужил началом романтических отношений. Целый месяц молодые люди проводили преимущественно вдвоем. Джоселин обнаружил, что Эвис не только прекрасно читает стихи на интеллектуальных собраниях, но и очень неплохо играет на фортепиано, а также обладает приятным голосом и поет под собственный аккомпанемент.

Не приходилось сомневаться, что усилия гувернанток и учителей были направлены на то, чтобы как можно больше отдалить девочку от естественной жизни на родном острове. Родители поставили перед собой цель превратить дочь в точную копию десятков тысяч других молодых особ, в чьих судьбах не было ничего интересного или выдающегося; заставить ее забыть обычаи предков, заменить старинные местные баллады купленными в ближайшем городе нотами модных песен, а местный диалект утопить в чуждом языке неведомо откуда взявшейся гувернантки. В доме, способном составить счастье любого художника, девушка, вместо того чтобы рисовать с натуры, копировала с печатных гравюр виды пригородных лондонских особняков.

Эвис заметила все это значительно раньше, чем друг высказал свое авторитетное мнение, однако с девичьей податливостью смирилась с обстоятельствами. Оставаясь местной до глубины души, она не могла избежать веяний времени.

Срок отъезда Джоселина неумолимо приближался, и Эвис думала о расставании со спокойной грустью. Помолвка стала вполне определенным фактом. Пирстон мечтал о соблюдении старинного местного обычая, веками царившего в обеих семьях, поскольку предки жили на острове с незапамятных времен. Приток чужаков (так здесь называли приезжих с материковой части Уэссекса) в значительной степени разрушил традиции, однако под внешним лоском полученного Эвис современного образования скрывались старомодные понятия, и Джоселин спрашивал себя, не сожалеет ли она об утраченном древнем обычае формального подтверждения помолвки, которого строго придерживались предки.

Глава 3

Случайная встреча

– Ну вот и пришел конец каникулам, – сказал Джоселин. – До чего же приятно удивил старый дом, где не был почти четыре года!

– Уезжаешь завтра? – грустно спросила Эвис.

– Да.

Что-то обоим тяготило: что-то большее, чем печаль предстоящего недолгого расставания, – поэтому Пирстон решил отправиться в путь не днем, как собирался, а вечером, почтовым поездом из Бадмута. Так он успел бы заглянуть в каменоломню к отцу, а Эвис при желании смогла бы проводить его до замка короля Генриха VIII, чтобы вместе пройтись по пляжу и полюбоваться восходом луны.

Таким образом, следующий день Джоселин провел в каменоломне вместе с отцом, а в назначенное время вышел из родного каменного дома на каменном острове и вдоль каменистого пляжа по знакомой каменистой тропинке направился в Бадмут. Эвис еще днем ушла к друзьям в Стрит-оф-Уэлс – деревня расположена на полпути к месту встречи. Вскоре склон привел путника на покрытый галькой берег. Оставив за спиной последние дома острова и развалины разрушенной ураганом 1824 года деревни, он прошагал ярдов сто по узкой полоске суши, остановился, свернул к каменной гряде на берегу и присел в ожидании.

Вскоре на фоне стоявших на рейде освещенных кораблей показались двое мужчин. Один из них узнал Джоселина, поздоровался и добавил:

– Желаю счастья, сэр: прекрасный выбор! Надеюсь, скоро свадьба?

– Спасибо, Сиборн. Посмотрим. Возможно, на Рождество.

– Моя жена сегодня утром призналась, что это ее давняя мечта – увидеть свадьбу кого-то из тех, кого знает с младенчества.

Мужчины продолжили путь, а когда оказались на почтительном расстоянии, спутник Сиборна спросил:

– Что это за молодой чужестранец? Вроде не похож на нас.

– Да нет, он местный: здесь родился и вырос. Это мистер Джоселин Пирстон, единственный сын торговца камнем из Восточных каменоломен. Собирается жениться на хорошенькой девушке, чья мать овдовела, но пытается продолжать каменный бизнес мужа, хотя он не идет ни в какое сравнение с бизнесом старика Пирстона. Говорят, тот заработал десятки тысяч фунтов, но богатства свои не выставляет напоказ, живет скромно, трудится как вол. А сын добился успеха в Лондоне как скульптор. Помню, как еще мальчонкой он ловко вырезал солдатиков из кусочков найденной в отцовском карьере мягкой породы, а когда подрос, смастерил красивые шахматные фигуры. С того все и началось. Ходят слухи, что и он в Лондоне не только прославился, но и разбогател. Тем более удивительно, что невесту он выбрал здесь, на острове. Нет, малышка Эвис Каро хорошая девочка, но все же ему не ровня. Ого! Похоже, погода скоро изменится!

Тем временем тот, кого обсуждали прохожие, ждал в условленном месте до тех пор, пока не наступил назначенный час – ровно семь вечера. В ту же минуту от последнего фонаря у подножия холма отделилась фигура и, приблизившись, воплотилась в мальчика, который спросил, он ли мистер Пирстон, и передал записку.

Глава 4

Незнакомка

Когда посыльный ушел, Джоселин подошел к ближайшему фонарю и прочел написанные рукой Эвис строки:

«Мой дорогой!

Жаль огорчать тебя, но я не могу встретиться с тобой сегодня вечером у развалин замка, чтобы не возбуждать у земляков воспоминания и мысли о старом обряде. Боюсь, что мы слишком много времени проводили наедине, и это склоняет твоего отца и тебя, как наследника, к мысли о необходимости исполнить древний обычай острова: ведь твоя семья так давно здесь живет. Честно говоря, матушка полагает, что мистер Пирстон по естественным причинам мог уже упомянуть об этом. В то же время сам обычай немил моему сердцу и уже почти никем не соблюдается. Не считаю его в малейшей степени оправданным даже в том случае, когда имеет место наследство, как у тебя, скорее готова положиться на Провидение.

Уверена, что принятое решение не очень тебя огорчит: ты поймешь мои сложные чувства и не станешь думать обо мне хуже. Дорогой, если бы потребовалось это сделать, но мы бы не захотели подчиниться, то пришлось бы учесть традиционные семейные порядки и, в частности, мнение твоего отца о том, что без торжественной помолвки достойная свадьба невозможна. Оба мы испытали бы глубокое разочарование.

И потом, ты скоро снова приедешь. Разве не так, дорогой Джоселин? А потом настанет время, когда прощаться больше не придется.
Остаюсь навсегда твоей, Эвис».

Прочитав записку, Джоселин удивился ее наивности, равно как простодушной вере и самой Эвис, и ее матушки в силу того устаревшего принципа, который и для него самого, и для других покинувших остров молодых людей давно превратился в предрассудок.

Активно зарабатывая деньги, отец вполне мог придерживаться практических взглядов в отношении наследства, оправдывающих предположения миссис Каро и ее дочери, однако, будучи старомодным в образе жизни, ни разу не заговаривал с сыном о давнем обычае.

При мысли, что Эвис считает себя современной девушкой, Джоселин улыбнулся, но все же ощутил не только разочарование, но и легкое раздражение по поводу помешавшего встрече непредвиденного препятствия.

Да, старые идеи благополучно живут даже при новом образовании!

Прошу читателей помнить, что описываемые события, недавние в масштабах уходящей в глубину веков истории острова, происходили больше сорока лет назад¹.

* * *

Заметив, что вечер обещает ненастье, но все же не желая возвращаться и нанимать экипаж, Пирстон продолжил путь пешком. На открытом пространстве ветер дул резкими порывами, а море билось о каменный барьер и плескалось в собственном непредсказуемом ритме,

¹ Т. е. в середине XIX в. – *Примеч. ред.*

издавая звуки, напоминавшие то смертельные удары воинственной схватки, то благодарственные возгласы.

Вскоре на тускло освещенной дороге показалась женская фигура. Джоселин вспомнил, что пока он читал письмо Эвис возле последнего в деревне фонаря, мимо прошла незнакомка, и вот теперь он почти ее догнал.

На миг у него возникла надежда, что Эвис передумала и все-таки решила прийти, но нет, шагавшая впереди особа совсем на нее не походила: выглядела значительно выше, плотнее и, несмотря на осень, была закутана в меха или в какую-то другую плотную теплую одежду.

Джоселин вскоре поравнялся с незнакомкой и благодаря свету состоявшихся на рейде кораблей смог рассмотреть ее профиль: горделивый, величавый, достойный божественной Юоны и с точки зрения классических канонов безупречный. Походка дамы была слегка неровной, однако настолько легкой и стремительной, что несколько минут они шагали рядом, и Джоселин даже успел сделать кое-какие предположения, а когда уже стал ее обгонять, случайная попутчица внезапно обернулась и заговорила:

– Полагаю, вы мистер Пирстон-младший?

Молодой человек ответил утвердительно и успел заметить, какое красивое, властное, царственное у дамы лицо и как соответствует ее звучному выразительному голосу. Встречать женщин такого типа ему еще не приходилось, а неведомая путешественница говорила без местного акцента.

– Не подскажете ли, который час?

Джоселин зажег спичку, посмотрел на часы и, сообщив, что сейчас четверть восьмого, разглядел, что глаза прекрасной дамы красные и опухшие, словно она долго плакала.

– Мистер Пирстон, простите мне мою экстравагантность, но не одолжите ли на день-другой немного денег? Дело в том, что по рассеянности я забыла кошелек дома, на туалетном столике.

Просьба действительно прозвучала необычно, и все же что-то во внешности молодой леди не позволило счесть ее мошенницей. Джоселин опустил руку в карман и задумался: сколько это – «немного»? Величественный облик и царственные манеры Юоны вызвали желание соответствовать и ответить королевским жестом. В воздухе повеяло романом. Джоселин протянул незнакомке пять фунтов, но его необыкновенная щедрость ничуть ее не поразила.

– Вполне достаточно, благодарю, – спокойно ответила дама, когда он назвал сумму, на тот случай если в темноте будет трудно рассмотреть банкноту.

За беседой Джоселин не заметил, что поднявшийся ветер сначала зарычал, потом завизжал и с привычной в этих краях непредсказуемостью погодных изменений принес то, что убедительно пообещала стихия: дождь. Поначалу капли целились в левую щеку подобно бумажным пулькам из детского пугача, однако вскоре приобрели характер сплошного обстрела. Один залп оказался настолько метким, что угодил Джоселину в глаз. Спутница с озабоченным видом обернулась: судя по всему, отправляясь в путь налегке, такого развития событий она не ожидала.

– Надо где-то спрятаться, – решил Джоселин.

– Но где же?

Слева, с наветренной стороны тянулся длинный однообразный берег и образовывал барьер, поверх которого снизу доносилось шуршание морской гальки. Справа раскинулась внутренняя бухта – рейд, где сейчас тускло мерцали далекие корабельные огни. За ними – там, где поднимался остров, – время от времени на горизонте вспыхивали слабые искры. Ближе не существовало ничего определенного вплоть до шаткого деревянного моста на расстоянии мили. Замок Генриха VIII по-прежнему оставался впереди.

Вскоре на береговой возвышенности, вне досягаемости волн, в поле зрения попала перевернутая вверх дном рыбацкая лодка, которую местные жители называли «леррет». Едва зави-

дев даже столь ненадежное укрытие, путники со всех ног бросились к нему, заглянули внутрь и с удивлением обнаружили, что лодка лежала здесь давно, надежно защищала от дождя и предоставляла временным обитателям куда больше простора, чем казалось снаружи, а тем более издалека. Судя по всему, суденышко служило складом или убежищем для рыбаков, а потому добротное дно было промазано толстым слоем дегтя и исправно исполняло роль крыши.

Пробравшись с подветренной стороны под укрепленным подпорками носом, скитальцы обнаружили несколько служивших сиденьями досок, весла и другое деревянное снаряжение, поверх которого хранилась совершенно сухая сеть – целый невод, из которого получилось некое подобие дивана, вполне, впрочем, удобное.

Глава 5

Жертвы обстоятельств

Дождь стучал по дну лодки с отчаянной силой, словно какой-то колоссальный сеятель швырял гигантские пригоршни зерна. Темнота уже полностью вступила в свои права.

Путники сидели так близко друг к другу, что Джоселин ощущал прикосновение мокрого меха. Оба молчали, но потом незнакомка все же произнесла с наигранным спокойствием:

– Как все это некстати...

Джоселин кивнул и, повнимательнее взглянув на соседку, понял, что не ошибся: она действительно недавно плакала и даже сейчас еще время от времени судорожно вздыхала.

– Должно быть, для вас обстоятельства сложились куда менее удачно, чем для меня. Искренне сожалею.

Она ничего не ответила, а он добавил, что для женщины – тем более путешествующей в одиночестве – место крайне пустынное и неудобное, и высказал надежду, что не произошло ничего такого, из-за чего она покинула дом на ночь глядя.

Спутница отмалчивалась, не желая делиться обстоятельствами, из-за которых оказалась ночью, в непогоду, на дороге, так что Джоселину оставалось лишь догадываться, что могло произойти, кто она такая и откуда его знает. Дождь тем временем усилился, и не было даже признаков улучшения погоды.

– Думаю, нам придется вернуться, – сказал Джоселин.

– Ни за что! – воскликнула незнакомка и, словно подчеркивая решимость, вскинула подбородок.

– Почему же? – удивился Джоселин.

– На то есть веские причины.

– Не понимаю, откуда вы меня знаете: сам-то я вижу вас впервые.

– Но наверняка слышали обо мне.

– Вряд ли: ведь вы не из местных.

– Ничего подобного: я урожденная островитянка. Слышали о компании «Лучшие плиты»?

– Еще бы! Эти злодеи чуть было не разорили моего отца. Во всяком случае, владелец фирмы – старик Бенком.

– Это мой отец!

– Ах вот как! Прошу прощения за резкость. Я ведь не знал мистера Бенкома лично. Кажется, он наладил дело, назначил управляющего, а сам предпочел поселиться в Лондоне?

– Да. Мы живем в южном Кенсингтоне, уже давно, а на лето приезжаем сюда, на остров. В этом году арендовали замок Сильвания. Хозяин уехал на континент и сдал нам усадьбу на пару месяцев.

– Значит, мы почти соседи, мисс Бенком. Моему отцу принадлежит очень скромный дом рядом с имением.

– Правда? – удивилась девушка. – Но ведь он мог бы позволить себе куда более просторное жилище, не так ли?

– Честно говоря, мы никогда это не обсуждали. Отец не привык к роскоши.

– Вот и мой постоянно ругает меня за расточительность! – обиженно воскликнула спутница. – Сегодня и вовсе разошелся не на шутку: заявил, что я трачу слишком много и это выходит за рамки приличия!

– Ссора произошла сегодня вечером?

– Да. Я так психанула, что сделала вид, будто убежала в свою комнату, а сама незаметно выскользнула из дома и ушла. Больше никогда туда не вернусь.

– И что же намерены предпринять?

– Сначала попрошусь к лондонской тетушке. А если она не примет, то попробую найти работу. Все, к отцу больше не вернусь! Даже не знаю, что бы делала, если бы не встретила вас. Наверное, пришлось бы идти пешком до самого Лондона. А теперь, как только попаду на материк, уеду первым же поездом.

– Если ураган утихнет.

– Да, до тех пор придется прятаться здесь.

Они долго сидели рядом на сетях, под лодкой. Джоселин слышал о Бенкоме как о злейшем враге отца: предприимчивый делец сколотил состояние, поглотив предприятия множества мелких торговцев камнем. И только старик Пирстон оказался ему не по зубам и по сей день оставался главным конкурентом всемогущего разорителя. Джоселину показалось странным, что обстоятельства сложились таким образом: прямо Монтекки и Капулетти.

Беседуя, оба невольно понизили голос, а шум дождя заставил придвинуться еще ближе друг к другу. Одна четверть часа сменяла другую, но вспыхнувшая искра нежности заставила забыть о времени, так что было уже совсем поздно, когда, встревоженная неопределенностью положения, мисс Бенком поднялась.

– Все, больше не могу здесь оставаться!

– Вернитесь домой, – посоветовал ей молодой человек, взяв за руку. – Я вернусь вместе с вами. Мой поезд все равно ушел.

– Нет, продолжу путь, а переночую в Бадмуте. Конечно, если когда-нибудь туда попаду.

– В такое время все уже будет закрыто, кроме привокзального постоялого двора, но там вы вряд ли захотите остановиться. Впрочем, если приняли решение, я вас туда провожу. Не могу отпустить одну: явиться среди ночи без надежной защиты было бы слишком рискованно.

Мисс Бенком настояла на своем, поэтому вскоре друзья по несчастью покинули убежище и, вопреки буре, бесстрашно выступили в поход. Море так высоко поднималось слева и так близко подходило справа, что казалось, будто, подобно детям Израиля, они шагают по дну расступившихся вод. Лишь невысокая насыпь отделяла дорогу от бушующего залива. При каждом ударе волн земля содрогалась, галька скрежетала, мощная водная стена вздымалась вертикально и обрушивалась на головы. Массы морской воды переливались через каменное ограждение и потоками текли по дамбе, превращая полуостров в настоящий остров.

До сих пор путники не сознавали всей силы разгула стихии. Пешеходы часто здесь погибали, унесенные потоками в неожиданно возникшие провалы. И все же после каждой катастрофы какой-то чудодейственной мощью суша снова смыкалась подобно тому, как сумел возродиться разрубленный архангелом Михаилом Сатана. «Эфемерная субстанция сомкнулась, недолго оставаясь расчлененной».

Одежда мисс Бенком оказывала ветру большее сопротивление, чем костюм Пирстона, и оттого ей грозила более серьезная опасность, поэтому отказаться от предложенной помощи она не могла. Сначала Джоселин взял спутницу за руку, однако ветер тут же разорвал их, как висящие на одном черенке вишни, тогда он решительно обхватил рукой ее талию и не услышал возражений.

* * *

Примерно в это же время – может быть, чуть раньше или позже – Джоселин осознал ощущение, смутно и робко возникшее еще в тот момент, когда пришлось сидеть рядом с новой подругой под перевернутой лодкой. Несмотря на молодость, он был уже достаточно взрослым и опытным мужчиной, чтобы точно определить собственное состояние, а потому не только встревожился, но и испугался. Ощущение означало возможное перемещение образа Возлюбленной из одной физической обители в другую. Однако пока процесс не завершился, а потому,

крепко обнимая спутницу, молодой человек предавался абстрактным размышлениям о том, какая она мягкая и теплая в своих меховых одеждах. Единственными сухими местами превратившейся в единое целое пары остались левый бок леди и правый бок джентльмена, куда вода не проникала благодаря плотному и неразрывному соединению тел.

Когда прошли по насыпи, укрытий стало больше, однако Пирстон не ослабил объятий до тех пор, пока спутница об этом не попросила. Вскоре миновали разрушенный замок и, оставив остров далеко за спиной, преодолели милю за милей, пока, насквозь мокрые и замерзшие, около полуночи не пришли на окраину соседнего городка.

Джоселин жалел мисс Бенком и в то же время восторгался ее решимостью. Теперь стоявшие вдоль бухты дома защищали от ветра, и вскоре они без труда добрались до железнодорожной станции, в то время заменявшей вокзал. Как сказал Джоселин, в этот час был открыт лишь один постоялый двор, где постояльцы дожидались утренней почты или прибытия паромов через Ла-Манш. В ответ на стук в дверь служащий отодвинул тяжелый засов, и уставшие путники оказались в освещенном газовым фонарем вестибюле.

Теперь Пирстон увидел, что, несмотря на внушительную фигуру и высокий, лишь немного уступавший его собственному, рост, мисс Бенком пребывала в чистом сиянии юной женственности. Лицо ее поражало не столько красотой, сколько властной надменностью. Впрочем, ветер, дождь и морские брызги оставили на щеках яркое цветение пионов.

Молодая леди твердо настаивала на решении отправиться в Лондон первым утренним поездом, поэтому Пирстон позволил себе давать советы лишь по кое-каким мелким вопросам.

– Мисс Бенком, вам необходимо подняться в свой номер и отправить вниз всю одежду, чтобы ее высушили возле огня, иначе вы простудитесь. Я же немедленно распоряжусь, чтобы к вам прислали горничную, а заодно и что-нибудь перекусить.

Мисс Бенком согласилась, однако благодарности не выразила, а как только поднялась к себе, Джоселин приказал отнести ей легкий ужин, который и собрала заспанная девица – «ночной портье». Он и сам зверски проголодался, а потому решил совместить приятное с полезным: просушить одежду и поесть.

Поначалу он не мог решить, что предпринять, но в конце концов надумал тоже остаться, хотя бы до утра. Переодевшись в найденный в шкафу теплый казенный халат и тапочки, Джоселин развесил свою одежду по стульям в общем зале, с удовлетворением заметив, что горничная принесла вниз на просушку целую охапку дамских вещей. Отойдя от огня, он стал с интересом наблюдать, как она на вытянутых руках держала перед камином какой-то предмет из одеяний Юоны, и от него поднимается облако пара. Опустившись на колени, полусонная девушка тут же уронила голову и едва не упала, но встрепенулась и выпрямилась.

– Да вы на ногах не держитесь, милая, – заметил Пирстон с сочувствием.

– Да, сэръ, очень устала. Когда нет поздних постояльцев, можно хоть вздремнуть на диване в соседней комнате.

– В таком случае освобождаю вас от непредвиденных трудов. Идите отдыхайте, как будто нас здесь нет. Я все сделаю сам: высушу одежду и сложу на кресле – а утром вы отнесете ее леди.

«Ночной портье» поблагодарила доброго постояльца и вышла, а вскоре из соседней комнаты донесся храп. Тогда Джоселин принялся по очереди расправлять и подносить к огню мокрые элементы дамского гардероба. Поднимавшийся от них пар навевал странные мысли. Снова явилось рожденное совместным путешествием осознание происходящих изменений. Да, Возлюбленная определенно меняла воплощение, трансформируясь в обладательницу вот этих восхитительных предметов туалета.

Спустя десять минут он уже обожал мисс Бенком.

Но как же малышка Эвис Каро? Увы, она больше не вызывала прежнего восторженного отношения. Да и вообще теперь Джоселин не был уверен, что когда-то всерьез видел истинную Возлюбленную в подруге детства, хотя желал ей всяческого благополучия. Какие бы чувства

она ни вызывала, он чувствовал, что тот возвышенный дух идеализма, который составляет суть любви, украдкой перелетел от далекой фигуры к близкой – той, что спала в комнате этажом выше.

Испугавшись собственных воображаемых предрассудков, Эвис не пришла к развалинам замка, однако сам Джоселин в большей степени, чем она, унаследовал старинные понятия и манеры острова, а потому поведение Эвис привело к таким неожиданным последствиям.

Глава 6

Предложение руки и сердца

Едва рассвело, мисс Бенком и мистер Пирстон покинули постоялый двор и отправились на станцию, которая только что открылась в ожидании ранних пассажиров. По совету Джоселина, чтобы успокоить родителей и предотвратить преследование, Марсия (наконец-то ему стало известно ее имя) отправила отцу записку, где сообщила, что собирается в Лондон, к тетушке. Путешественники вместе пришли в зал ожидания, попрощались, отдельно купили билеты, и Джоселин забрал из камеры хранения свой багаж.

На платформе они встретились снова, и в глазах обоих вспыхнул свет, с телеграфной точностью вопрошавший: «Мы оба едем в Лондон, так почему бы не занять одно купе?»

Так они и поступили.

Марсия устроилась в углу, спиной к движению, а Джоселин сел напротив. Проводник заглянул, принял их за пару и больше никого в купе не посадил. В дороге разговаривали на самые нейтральные, обычные темы. О чем думает попутчица, Джоселин не знал, однако на каждой промежуточной станции со страхом ожидал вторжения нового пассажира, а уже на полпути к городу недавнее предположение превратилось в уверенность: Возлюбленная снова обрела телесное воплощение и наполнила собой каждую линию, каждый изгиб женственной фигуры.

Приближение лондонского вокзала напоминало наступление судного дня. Разве можно оставить изнеженную красавицу в суете и суматохе столичных улиц? Она, казалось, не представляла, что делать в таком шуме и толчее. Джоселин спросил, где живет тетушка.

– В Бейсуотере, – лаконично ответила мисс Бенком.

Он нанял экипаж и предложил подвезти ее до нужного дома, который оказался неподалеку от его собственного жилища. При всем желании Джоселин не мог понять, сознает ли спутница его чувства, однако она согласилась и поднялась в кабриолет.

– Мы – давние друзья, – заметил он по дороге.

– Верно, – ответила она серьезно, без улыбки.

– И в то же время, дорогая Джульетта, семьи наши издавна враждуют.

– Да. Как вы меня назвали?

– Джульеттой.

Она рассмеялась почти гордо и пробормотала:

– Ваш отец – враг моего отца, а мой отец – мой враг. Так что вы – мой друг.

Взгляды встретились.

– Возлюбленная королева! – воскликнул Пирстон. – Может быть, вместо того чтобы ехать к тетушке, выйдете за меня замуж?

Мисс Бенком густо покраснела, причем румянец скорее выразил гнев, чем какое-то иное чувство. Во всяком случае, леди разволновалась, но ничего не ответила, и Джоселин испугался, что задел ее чувство собственного достоинства. Что, если случайная спутница всего лишь использовала услужливого джентльмена в качестве удобного средства достижения цели?

И все же рискнул продолжить:

– Тогда отец больше никогда не сможет вами командовать! В конце концов, шаг не настолько поспешен, как кажется. Вам известно обо мне все: история семьи, род занятий, перспективы, а мне известно все о вас. Хотя сейчас вы целиком и полностью принадлежите Лондону, семьи наши столетиями соседствовали на острове.

– А вы когда-нибудь станете членом Королевской академии художеств? – справившись с волнением, лукаво спросила мисс Бенком.

– Надеюсь. Точнее, непременно добьюсь успеха, если вы станете моей женой.

Спутница смерила его долгим взглядом.

– Только подумайте, как легко разрешатся все ваши трудности, – продолжал убеждать Джоселин. – Никаких тетушек, никаких ссор с рассерженным отцом.

Судя по всему, аргумент оказался решающим. Мисс Бенком позволила ее обнять и сдержанно уточнила:

– Сколько времени потребуется, чтобы пожениться?

– Можно сделать это уже завтра. Сегодня в полдень отправлюсь в коллегиию юристов гражданского права, и к завтрашнему утру лицензия будет готова.

– И тогда не потребуется ехать к тетушке! Стану свободной, независимой, взрослой женщиной! Сейчас меня ругают и воспитывают, как шестилетнего ребенка. Если все действительно так легко, как вы говорите, то, пожалуйста, стану вашей женой.

Они остановили экипаж и устроили военный совет. Пирстон снимал квартиру со студией в районе Кампден-Хилл, однако везти туда мисс Бенком до свадьбы было крайне нежелательно, поэтому решили отправиться в отель.

Отдав приказ вознице, изменили направление и поехали на Стрэнд, а вскоре устроились в одной из почтенных гостиниц Ковент-Гардена – района, в то время облюбованного состоятельными гостями с юго-запада Англии. Там Джоселин оставил невесту и отправился по делам в восточную часть Лондона.

В три часа, уладив вызванные внезапным событием необходимые формальности, мистер Пирстон медленным шагом направился обратно. В душе царил растерянность, а движение приносило облегчение. Время от времени поглядывая на витрины магазинов, он импульсивно остановил двухколесный экипаж и направил возницу в сады Меллсток. Приехав туда, позвонил в дверь одной из студий, и уже через минуту оказался лицом к лицу с молодым человеком своего возраста в свободной блузе и с огромной грязной палитрой на большом пальце левой руки.

– Пирстон! А я-то думал, что ты еще в деревне. Входи. Страшно рад тебя видеть. Я вот сижу в городе: заканчиваю картину для одного американца, который хочет увезти ее с собой.

Вслед за другом Пирстон прошел в мастерскую, где возле окна склонилась над рукоделием хорошенькая молодая женщина, но по знаку художника бесшумно удалилась.

– По выражению лица вижу, что хочешь поговорить, а это лучше сделать без свидетелей. Неприятности? Что будешь пить?

– О, совсем не важно, что именно, главное – чтобы это был алкоголь. Сомерс, ты непременно должен меня выслушать, потому что мне действительно есть что сказать.

Пирстон опустил в кресло, а Сомерс вернулся к работе. Когда слуга принес бренди, чтобы успокоить нервы, содовую, чтобы нейтрализовать вредное действие бренди, и молоко, чтобы ликвидировать слабительный эффект содовой, Джоселин начал рассказ, обращаясь скорее к готической каминной полке, готическим часам и готическому ковру, чем к самому Сомерсу, который стоял у мольберта за спиной товарища.

– Прежде чем расскажу о том, что произошло, – заговорил Пирстон, – хочу объяснить, что я за человек.

– О господи! Я давным-давно тебя знаю!

– Нет, не знаешь. Обычно об этом не любят говорить, но я по ночам лежу без сна и думаю.

– Бедняга! – с сочувствием отозвался Сомерс, понимая, что друг действительно всерьез встревожен.

– Живу под странным проклятием или наваждением. Захвачен, сбит с толку, озадачен и очарован всемогущим существом – точнее, божеством. Иными словами, как сказал бы поэт и

как я сам воплотил бы в мраморе, Афродитой... но я забыл предупредить: грядущий рассказ призван служить не жалобным плачем, а защитой, своего рода *apologia pro vita mea*².

– Так-то лучше. Начинай!

² Рассказ о моей жизни (*лат.*).

Глава 7

Исповедь другу

– Знаю, что ты, Сомерс, не принадлежишь к числу тех старомодных упрямец, что верят в давний предрассудок: якобы возлюбленная обычно (или даже всегда) долгое время сохраняет одну и ту же телесную оболочку в зависимости от желания человека. Если же ошибаюсь и ты по-прежнему придерживаешься древнего заблуждения, то история моя покажется тебе весьма странной.

– Кажется, ты говоришь о возлюбленных некоторых мужчин, а не всех подряд.

– Хорошо. Если настаиваешь, ограничимся одним мужчиной – тем, который сидит перед тобой. В тех местах, откуда я родом, людям свойственна особая мечтательность. Возможно, этим объясняются все наши причуды. Возлюбленная данного человека обладала многими воплощениями – чрезмерным их количеством, не поддающимся подробному описанию. Каждая форма, или реализация, служила лишь временным убежищем, куда она входила, где обитала сравнительно недолго и откуда потом удалялась, в худшем случае оставив субстанцию неживой! Во всем процессе нет спиритической нелепости. Это простой факт, изложенный в ясной, недвусмысленной форме, которой обычная публика боится. Но достаточно о принципах.

– Понятно. Продолжай.

– Так вот. Первое воплощение идеала произошло, когда мне исполнилось, насколько помню, девять лет. Физическим посредником стала голубоглазая девочка лет восьми – одна из одиннадцати детей в семье, с льняными локонами до плеч, безуспешно пытавшимися виться и висевшими в причудливом беспорядке. Этот недостаток серьезно меня расстроил и, насколько могу судить, послужил главной причиной переселения образа. Не могу точно вспомнить, когда именно произошло опустошение, однако знаю, что после того, как в жаркий полдень поцеловал подружку на садовой скамейке под большим полосатым зонтом, который мы раскрыли, чтобы спрятаться от прохожих, не догадываясь, что яркий зонт привлекает намного больше внимания, чем наши скромные персоны.

Вскоре отец девочки увез семью с острова, и я решил, что Возлюбленная удалилась навсегда (должен признаться, что в то время пребывал в невинном состоянии Адама, созерцающего первый закат). Но этого не случилось. Да, Лаура действительно уехала навсегда, но моя Возлюбленная сохранила место географического пребывания.

В течение нескольких месяцев после того, как я перестал оплакивать разлуку с Лаурой, любовь не возвращалась, а потом явилась внезапно, неожиданно, в непредвиденной ситуации. Я стоял на краю тротуара возле начальной школы в Бадмуте и смотрел через дорогу на море, когда по улице проехал верхом джентльмен средних лет, а рядом с ним – молодая леди, тоже в седле. Неожиданно она повернулась и – то ли потому, что я смотрел с откровенным восхищением, то ли потому, что мечтательно улыбался, – улыбнулась. А проехав несколько шагов, снова обернулась, еще раз.

Событие мгновенно воспламенило душу. Я сразу понял, что произошло: Возлюбленная вернулась. Вторая сущность, в которую ей заблагорассудилось воплотиться, оказалась взрослой молодой дамой со смуглой кожей и более темными, чем у первой избранницы, волосами. Волосы выглядели каштановыми и были собраны в пышный узел на затылке; глаза при солнечном свете казались карими. Конечно, прелесть черт не поддавалась мгновенному взгляду, и все-таки я желал созерцать восхитительный образ, а потому, под каким-то придуманным предлогом торопливо попрощавшись с товарищами, поспешил по набережной в ту сторону, куда направились всадники. Однако они пустили лошадей галопом и скрылись из виду. В глубокой печали я свернул в одну из боковых улиц и вдруг с восторгом увидел ту же пару, скачущую мне

навстречу. Покраснев до корней волос, остановился и героически в упор посмотрел на свою героиню. Она опять улыбнулась, но – увы! – нежные щеки Возлюбленной не пылали страстью.

Пирстон умолк и, глубоко переживая описанную сцену, сделал несколько глотков бренди. Сомерс оставил рассказ друга без комментария, и Джоселин продолжил:

– Остаток дня я бродил по улицам в напрасной надежде на встречу, а при первой же возможности спросил одного из стоявших рядом мальчиков, не знает ли он всадников.

– Конечно, знаю, – ответил тот. – Это полковник Тарж с дочерью Элси.

– Сколько, по-твоему, лет молодой леди? – задал я волнующий вопрос.

– Точно не знаю, но кажется, девятнадцать. Послезавтра она выходит замуж за капитана Поупа из пятсот первого полка и сразу отправляется с ним в Индию.

Известие причинило мне столь глубокие страдания, что в сумерках я убежал в глубь гавани, решив немедленно покончить с собой. Останавливали лишь жуткие рассказы о том, что крабы с удовольствием, не спеша обглаживают лица утопленников. Воображаемая картина вызывала отвращение. Должен заметить, что замужество Возлюбленной меня не особенно огорчило. Сердце разбил скорее предстоящий отъезд и невозможность новых встреч. Да, больше я ни разу не видел ее.

Уже познав, что отсутствие телесной сущности идеального образа не подразумевало отсутствия вольного духа, я все же с трудом верил, что в данном случае Возлюбленная сможет вернуться ко мне в каком-то новом образе.

Тем не менее грандиозное событие произошло – правда, спустя изрядное количество времени, после того как я пережил неуклюжий подростковый возраст, когда мальчики всей душой презирают девочек. Лет в семнадцать я как-то в задумчивости сидел в кондитерской за чашкой чая, когда в заведение вошла женщина с девочкой. Некоторое время мы с интересом смотрели друг на друга. Девочка явно пыталась привлечь мое внимание, и, наконец, я заметил:

– Какая милая малышка.

Леди кивнула и что-то тихо сказала.

– У нее такие же красивые мягкие глаза, как у мамы, – добавил я.

– Вы так думаете? – спросила леди, словно не услышала того, что я хотел ей сказать – про ее глаза.

– Да, необыкновенно хороши, – подтвердил я, стараясь придать взгляду взрослому глубину.

После этого беседа продолжилась вполне свободно. Леди поведала, что муж отправился в морское путешествие на яхте, а я выразил сожаление, что не взял с собой ее. Затем она призналась в положении покинутой молодой жены, и впоследствии я встретил ее на улице без ребенка. Леди сказала, что идет на причал встречать мужа, но не знает дороги.

Я предложил проводить, и она согласилась. Не стану вдаваться в подробности, но потом я встречался с ней еще несколько раз и вскоре обнаружил, что возлюбленная (чье местонахождение надолго утратило конкретность) наконец-то обрела материальный облик, хотя я так и не смог понять, почему она выбрала мучительную ситуацию с недоступной матроной, когда вокруг существовало множество иных возможностей.

Роман закончился вполне невинно: леди уехала из города вместе с мужем и ребенком. Кажется, наше знакомство она сочла легким флиртом, хотя для меня это был вовсе не флирт!

* * *

– Зачем рассказывать продолжение мучительной истории? После этого Возлюбленная являлась все чаще и чаще, так что трудно передать подробности многочисленных воплощений. В течение двух-трех последующих лет она материализовалась девять раз. Четырежды маскировалась под брюнетку, дважды представляла яркой блондинкой, а еще дважды или трижды

оказывалась не темной и не светлой. Иногда она вселялась в высокую статную особу, но чаще предпочитала миниатюрные воздушные создания. Я же до такой степени привык к постоянным перемещениям, что относился к ним равнодушно и пассивно: беседовал с Возлюбленной, целовал ее, писал ей письма, желал в каждом из обликов. Так продолжалось вплоть до позапрошлого месяца, когда впервые возникли серьезные сомнения. Возлюбленная то ли воплотилась, то ли не воплотилась в Эвис Каро – юную девушку, которую я знал с детства. В результате раздумий пришло решение, что она обошла Эвис Каро стороной, потому что я по сей день глубоко уважаю эту достойную особу.

Далее Пирстон кратко изложил историю возобновления знакомства с Эвис, закончившуюся помолвкой, которую сам внезапно разорвал после случайной встречи с женщиной, в которую Возлюбленная, несомненно, вселилась, причем на его собственных глазах, – с молодой леди по имени Марсия Бенком; описал внезапно возникшее намерение немедленно жениться и попросил Сомерса решить, следует ли заключать брак в подобных обстоятельствах – будь то с данной леди или с какой-то другой.

– Разумеется, нет, – ответил Сомерс. – Хотя, если уж тебе приспичило жениться, то только на малышке Эвис Каро. Впрочем, и на ней не стоит. Ты ничем не отличаешься от других: все мы так же непостоянны, – только, может, не так чувствительны, как ты.

– Вряд слово «непостоянны» здесь подходит. Непостоянство означает усталость от того, что остается неизменным. А я сохраняю верность неуловимому существу, которое никогда не смогу получить, если не сделаю этого сейчас же, немедленно. И должен признаться, что частая смена сущностей вовсе не приносит мне удовольствия и не представляет собой распутной игры по моей инициативе. Наблюдать, как на твоих глазах еще недавно безупречное, божественное существо утрачивает возвышенность, становится обычным, превращается из пламени в пепел, из сияющей жизненности в останки, больно любому мужчине. Я же всякий раз испытывал глубокие мучения. Каждая печальная опустевшая форма сохраняется точно так же, как покинутое прекрасной птицей и обреченное на холод и забвение гнездо. Глядя в лицо в надежде увидеть ту, что видел еще недавно, но не находя ее, я чувствую себя поистине несчастным.

– Тебе нельзя жениться, – повторил Сомерс.

– Возможно, действительно нельзя! Но ведь в таком случае бедная Марсия окажется скомпрометированной! Разве я не прав, говоря, что несу на себе проклятие? К счастью, до сих пор никто, кроме меня, не страдал по этой причине. Зная, чего ждать, я редко отваживался на близкое знакомство с женщиной, опасаясь преждевременно утратить дорогой образ, который со временем все равно покидал физическую оболочку.

Вскоре Пирстон ушел. В подобных делах советы друзей мало значат, и он поспешил вернуться к мисс Бенком.

За время его отсутствия невеста заметно изменилась. Волнение заставило опуститься ближе к земле и слегка распрямило высокомерный изгиб губ.

– Как долго тебя не было! – воскликнула Марсия с нетерпением и обидой.

– Не переживай, дорогая, – ответил Джоселин. – Все в порядке. Сможем пожениться через несколько дней.

– Разве не завтра?

– Завтра не получится. Мы еще не прожили в Лондоне достаточного количества времени.

– А как об этом узнали в юридической коллегии?

– Видишь ли... я забыл, что необходимо назвать место жительства – постоянное или временное, – и признался, что мы только что приехали.

– Ах как обидно! Но ничего не поделаешь. Полагаю, мне следовало хорошо подумать раньше и не принимать ошибочного решения!

Глава 8

Как вспышка молнии...

Они прожили в отеле еще несколько дней, постоянно ощущая на себе любопытные взгляды горничных и время от времени испытывая якобы случайные набеги официантов. Во время прогулок – преимущественно по дальним улицам, чтобы не встретить знакомых – Марсия больше молчала, а красивое волевое лицо то и дело приобретало мрачное выражение.

– Манекен! – шутливо заметил Джоселин в один из таких моментов.

– Меня раздражает, что из-за твоего промаха в юридической коллегии лицензию не дали сразу! Мне стыдно жить с тобой вот так!

– Но, дорогая, мы же собираемся пожениться!

– Да, конечно, – пробормотала Марсия и снова погрузилась в задумчивость, а после долгого молчания продолжила: – Какое внезапное решение! Хотелось бы получить согласие на брак от отца и матери... Раз все равно придется ждать еще пару дней, может, я успею отправить им письмо и получить ответ? Да, надо написать.

Пирстон выразил сомнение по поводу разумности этого поступка, отчего ее желание лишь обострилось, и возникла размолвка.

– Даже если придется отложить свадьбу, выходить замуж без согласия родителей не стану! – наконец упрямо воскликнула Марсия.

– Что же, дорогая, очень хорошо: пиши, – миролюбиво пожал плечами Джоселин.

Вернувшись в гостиницу, она села за стол, однако через некоторое время, в отчаянии отбросив перо, воскликнула:

– Нет, не могу! Гордость не позволяет. Может быть, ты напишешь за меня, Джоселин?

– Я? Не понимаю, с какой стати, тем более что вообще считаю твое решение по меньшей мере необдуманным.

– Но ведь ты не ссорился с моим отцом!

– Нет, не ссорился, но наши семьи давно враждуют, поэтому мое письмо покажется мистеру Бенкому в лучшем случае странным. Давай сначала поженемся, и тогда я сообщу твоим родителям о свершившемся факте. Но никак не раньше.

– В таком случае, наверное, все-таки придется написать мне. Ты не знаешь моего отца. Он смог бы простить мне любое замужество без его ведома, но твою семью считает настолько недостойной и так презирает торговое соперничество, что до смерти не простит, если я тайно выйду замуж за Пирстона. Поначалу я об этом как-то не подумала.

Столь бестактное замечание оставило в душе Джоселина крайне неприятный, болезненный след. Несмотря на устойчивое и независимое положение в артистическом мире, он хранил преданность старику отцу: тот многие годы упорно противостоял натиску бесцеремонного Бенкома и щедро поддерживал сына во время обучения в лучших художественных школах, – поэтому попросил невесту впредь не характеризовать его семью как недостойную, и она молча вернулась к письму, обозначив обратный адрес того почтового отделения, в котором их не смогли бы найти – во всяком случае, пока.

Ответа не последовало, однако зловещим признаком послужила молчаливая пересылка на данный адрес корреспонденции, пришедшей в замок Сильвания на имя Марсии во время ее отсутствия. Она принялась открывать одно послание за другим. Просматривая последнее, вдруг воскликнула: «Боже мой!» – и рассмеялась.

– Что-то забавное? – поинтересовался Пирстон.

Марсия принялась читать письмо вслух. Оно пришло от преданного поклонника – молодого джентльмена с острова Джерси, и сообщало, что тот намерен скоро явиться и готов потребовать от возлюбленной исполнения данного ранее обещания выйти за него замуж.

Сообщение одновременно рассмешило и озадачило.

– И что же мне делать? – лукаво поинтересовалась Марсия.

– Что делать? Но, дорогая, мне кажется, ответ очевиден. Как можно скорее напиши бедняге, что на днях выходишь замуж.

Марсия последовала совету, а Джоселин помог построить фразы как можно тактичнее. Ее послание заканчивалось так:

«Прости, но я совсем забыла о своем обещании! Глубоко сожалею, но это правда. Во всем призналась будущему мужу, и сейчас, когда пишу эти строки, он смотрит через плечо».

Прочитав последнюю фразу, Джоселин заметил:

– Это можно было и не писать: лишний удар в израненное сердце.

– Удар? Нет, дорогой. С какой стати он собирается явиться сюда и навязать мне свое присутствие? Джоселин, ты должен гордиться тем, что вообще упомянула о тебе в письме. Не далее как вчера ты назвал меня тщеславной за то, что призналась в наличии и других претендентов на мою руку. А сейчас сам видишь, что они действительно существуют.

– Не хочу об этом слышать! – мрачно возразил Пирстон. – Мне подобные рассуждения крайне неприятны, а ты так легко все это говоришь.

– Ну, – обиженно надулась Марсия, – я виновата вдвое меньше твоего!

– Что ты имеешь в виду?

– Я обманула по забывчивости, а ты сознательно!

– Ах да, конечно! Можешь использовать Эвис Каро в качестве оружия. Только не раздражай меня упоминанием о ней и не заставляй жалеть о принятом решении.

Марсия покраснела и промолчала.

Следующим утром пришел ответ на письмо с просьбой к родителям благословить их на брак, однако, к изумлению Марсии, отец занял совсем не ту позицию, какой она ожидала. То ли дочь скомпрометировала себя в его глазах, то ли для уроженца острова, где царили патриархальные взгляды на семью, вопрос будущего не стоял так остро, как вопрос настоящего, но мистер Бенком решительно не одобрял союз с ненавистным Пирстоном и не только не давал согласия на брак, но и отказывался продолжать разговор вплоть до личной встречи. Если в голове сохранилась хотя бы частица здравого смысла, а венчание еще не состоялось, то дочь должна немедленно вернуться домой, откуда ее явно выманили обманом. Только тогда отец постарается как-нибудь вызволить свою Марсию из отчаянных обстоятельств. В ином случае и пальцем не шевельнет.

Пирстон не сдержал сарказма по поводу открытого пренебрежения Бенкома им самим и его семьей, и Марсия обиделась.

– Если в этой ситуации кто-то заслуживает насмешки, то только я! – воскликнула она горячо. – Начинаю понимать, что поступила глупо, убежав из отцовского дома по такой мелочной причине: подумаешь, получила выговор за расточительство.

– Но ведь я предлагал тебе вернуться!

– Да, но весьма своеобразно и совсем не тем тоном, каким следовало. Кроме того, ты презрительно отзывался о моем отце – поставил под сомнение его честность как торговца камнем.

– А как я мог говорить иначе, зная, что...

– Что ты имеешь против него? – перебила Марсия.

– Все знают, что в свое время Бенком сделал целью жизни разорение моего отца. А тон, которым он отзывается в письме обо мне, подтверждает, что враждебность никуда не исчезла.

– Чтобы скряга Пирстон разорился из-за такого щедрого человека, как мой отец! Все это грубая ложь, выдумки твоей семьи!

В глазах Марсии сверкнуло презрение, а лицо вспыхнуло гневом. Жаль только, что прямолинейная жесткость черт безжалостно уничтожила женственную прелесть.

– Право, дорогая, ты непростительно искажаешь события! Как каждый житель острова, я готов подробно изложить тактику захвата, использованную твоим отцом. Он одну за другой разорял и присваивал чужие каменоломни, и моему отцу с огромным трудом удалось удержаться на плаву. Смягчающих фактов просто не существует. Отношения родителей – ужасный изъян предстоящего брака, и мы только начинаем это осознавать. Не представляю, каким образом нам удастся преодолеть столь серьезное препятствие.

– Не думаю, что вообще преодолеем! – решительно возразила Марсия.

– Возможно. Возможно, окончательно не преодолеем, – согласился Джоселин, созерцая великолепную картину первозданной ненависти, представленную классическим лицом и темными глазами Юноны.

– Если не попросишь прощения за свое поведение!

Пирстон не понял, чем именно провинился перед своей чересчур властной леди, и отказался извиняться за то, чего не делал.

Марсия вышла из комнаты, а спустя некоторое время вернулась и горько заключила:

– Ты обвинил меня в чрезмерной вспыльчивости. Но на все есть свои причины, и, возможно, ты напрасно бросил Эвис ради меня. Вместо того чтобы жениться на Розалинде, Ромео убегает с Джульеттой. Веронским любовникам повезло умереть вовремя. Вскоре враждебность двух кланов привела бы к глубокому разладу. Джульетта вернулась бы в свою семью, а Ромео – в свою. Противостояние поссорило бы их точно так же, как поссорило нас.

Пирстон усмехнулся, однако вскоре выяснилось, что Марсия говорила вполне серьезно. За чаем она заявила, что, поскольку Джоселин отказывается просить прощения, подумав, она решила все-таки переехать к тетушке – во всяком случае, до тех пор, пока отец не согласится на брак. Пирстон в той же степени ужаснулся ее решимости, в какой удивился независимости поведения в обстоятельствах, в которых женщины, как правило, ведут себя иначе, однако чинить препятствий не стал. После прощального поцелуя – странно холодного по сравнению с недавним пылом – Ромео из семейства торговцев камнем Монтекки вышел из отеля, чтобы избежать даже видимости попытки удержать свою Джульетту из враждебного рода Капулетти. А когда вернулся, ее уже не было.

* * *

Между чересчур поспешно обрученными женихом и невестой завязалась переписка, выдержанная в тоне серьезного обсуждения неловкой ситуации семейной вражды. Свою недавнюю любовь они видели такой, какой она была: слишком поспешной, слишком опрометчивой, слишком внезапной, как вспышка молнии...

Теперь оба смотрели на недавнее чувство с таким спокойствием, холодностью и мудростью, что о воссоединении даже мечтать не приходилось.

Конец дискуссии положило последнее письмо Марсии, отправленное не откуда-нибудь, а из недавно покинутого отцовского замка на острове, в котором сообщалось, что мистер Бенком внезапно появился в доме тетушки и уговорил дочь вернуться вместе с ним. Марсия честно поведала обо всех обстоятельствах бегства и тех мелких случайностях, которые его вызвали. Отец сумел убедить ее в том, что и она сама поняла в результате разногласий: о браке нельзя даже думать, во всяком случае пока. Любая неловкость и даже скандал лучше поспешного союза в результате случайной быстротечной страсти и пожизненного принесения себя в жертву ситуации, которую невозможно изменить.

Пирстон ясно увидел, что мистер Бенком повел себя как истинный островитянин, все приобретения которого лишь прикрывают традиционные понятия о браке. Торговец камнем

не стал прибегать к общепринятому в подобных случаях средству лечения опрометчивости дочери, а предпочел дожидаться последствий.

Мистер Пирстон же считал, что, успокоившись и осознав свое истинное положение, Марсия все-таки вернется к нему, несмотря на семейные разногласия. Общественного повода против такого поступка не существовало. По условиям рождения пара вполне совпадала. И хотя семья Марсии достигла большего благополучия, отчего могло возникнуть впечатление, что преимущества союза принадлежат одной стороне, Пирстон был подающим надежды, способным прославиться скульптором. Таким образом, брак не мог считаться недостойным женщине, не имевшей особых возможностей, помимо солидного наследства, поэтому, хотя и глубоко разочарованный, Джоселин все-таки считал необходимым оставаться в доступности по своему лондонскому адресу до тех пор, пока существовал хотя бы малейший шанс появления Марсии или письма с призывом присоединиться к ней, чтобы вместе отправиться к алтарю.

И все же ночами он то и дело слышал насмешливые голоса и саркастическое завывание ветра по поводу краткого неудачного романа, а долгими скучными бесцветными днями сидел в комнате и наблюдал печальный исход Возлюбленной из той физической оболочки, которую лелеял в последнее время, вплоть до полного исчезновения. Точного момента окончательного удаления Пирстон не смог бы назвать, однако, думая о Марсии, уже не находил в облике милых черт и не слышал в речи дорогих интонаций. Знакомство, хотя и бурное, оказалось слишком коротким для глубоких чувств. А вскоре пришло время, когда из надежных источников Пирстон получил два важных для себя известия. Первым стал брак Эвис Каро с кузеном. Второе состояло в том, что семейство Марсии отправилось в кругосветное путешествие, включавшее визит к родственнику мистера Бенкома – банкиру из Сан-Франциско. Отойдя от дел, торговец камнем слегка заскучал и, почувствовав, что путешествие благотворно повлияет на здоровье, решил ни в чем себе не отказывать. Пирстон пришел к выводу, что у Марсии не обнаружилось никаких нежелательных последствий вспышки страсти, и она отправилась в путешествие вместе с родителями. Больше всего его потрясло истинное, хотя и завуалированное, значение предпринятого турне: упрямое противостояние мистера Бенкома браку дочери с представителем ненавистного клана.

Глава 9

Знакомые видения вдали

Постепенно Пирстон вернулся к привычному образу жизни, вновь с головой погрузился в работу и за два прошедших года лишь однажды услышал от бывших земляков о Бенкомах.

Продолжительное путешествие родителей Марсии вселило в их души интерес к дальним странам. Утверждали, что отец, по-прежнему пребывавший в добром здравии, если не считать отдельных кратких недомоганий, перенес приступ космополитизма и инвестировал капитал в иностранные предприятия. Предположение Пирстона полностью оправдалось: Марсия сопровождала родителей, а необходимости воссоединения с ним не возникло. Следовательно, расставание с той, которая едва не стала его женой, приобрело постоянный характер.

Казалось, теперь блуждающий плод воображения вряд ли обретет постоянную обитель. Подойдя к браку с Марсией настолько близко, что даже успел подать заявление на лицензию, Джоселин долгое время ощущал себя связанным исходным контрактом и не собирался намеренно смотреть по сторонам в поисках утраченного идеала.

Таким образом, в течение первого года отсутствия мисс Бенком, твердо решив сохранить преданность на тот случай, если она вдруг надумает вернуться, наш наделенный бурной фантазией герой порой трепетал при мысли, что произойдет с его торжественным намерением, если Образ неожиданно материализуется по собственной инициативе и незаметно его соблазнит. Несколько раз казалось, что желанное воплощение мелькает вдали: в конце улицы, на песчаном берегу, в окне, на лугу, на железнодорожной станции, – однако Пирстон решительно отворачивался и уходил.

В течение нескольких лет после порыва Марсии к независимости (время от времени вызывавшего всплески тайного восхищения) Джоселин страстно направлял в творчество тот бурлящий поток чувств, который без выхода на свободу способен разрушить всех, кроме величайших художников. Несомненно, благодаря данному обстоятельству, а вовсе не старанию и стремлению к успеху ему удалось многого достичь в своем искусстве и мощным рывком преодолеть многолетнюю неопределенность.

Успех пришел сам собой, без особых усилий. Мистер Пирстон был избран членом-корреспондентом Королевской академии художеств. Однако когда-то казавшееся столь желанным высокое признание теперь утратило для него привлекательность. По-прежнему оставаясь холостяком, Джоселин скитался в обществе без руля и ветрил, без причала, который смог бы назвать родным. А из-за отсутствия центра притяжения почести рассеивались и неощутимо растворялись в воздухе, ничего не добавляя к материальному благосостоянию.

Даже если бы его творения никогда не предстали перед зрителями, он все равно продолжал бы с равным пылом работать резцом. Полное безразличие к восприятию созданных скульптур зрителями и критиками даровало Пирстону редкую уверенность в собственных силах, позволявшую воспринимать любое мнение без утраты душевного равновесия.

На долгие годы его единственной радостью стало изучение красоты. На улице скульптор внезапно отмечал лицо, движение, жест, мимолетно выражавшие во плоти то, что стремился передать в застывшем камне. Подобно детективу он следовал за обладательницей желанного образа: в омнибусе, в наемном экипаже, на пароходе, в толпе, в магазинах, в церкви, в театре, в пивных и даже в трущобах, – но, к сожалению, почти всякий раз разочаровывался.

В пылу профессиональных поисков Джоселин порой смотрел за реку, на верфи южного берега Темзы, а особенно на тот причал, где изо дня в день разгружались кечи с добытым в отцовских каменоломнях песчаником. Иногда ясно различал белые блоки – огромные каменные кубы, с таким упорством вырубленные отцом и его рабочими из скал родного острова в проливе Ла-Манш, что становилось страшно, как бы старик не вывез по частям весь остров.

Пирстона обошла стороной непреложная истина, что, как утверждают поэты и философы, любовь особенно ярко горит в молодости и успокаивается в зрелые годы. Возможно, в результате абсолютного домашнего одиночества в то плодотворное время, которое последовало за первыми годами после ухода Марсии, продвигаясь по жизни от двадцати пяти лет к тридцати восьми, Джоселин время от времени влюблялся со всем пылом юности, хотя и сдержанным неведомым прежде самоконтролем.

* * *

Причудливая островная фантазия выросла в твердую уверенность, что Возлюбленная снова обрела видимый облик и постоянно существует где-то рядом. Месяцами он видел ее на театральной сцене, а потом она вдруг исчезала, оставляя пустую бледную оболочку, жалкую фигуру, полную недостатков и банальностей, продолжавшую существовать независимо. Потом она иногда появлялась в поначалу не замеченной, случайно встреченной на вечеринке, выставке, базаре или обеде особе, а спустя несколько месяцев перелетала в иную обитель и грациозной продавщицей стояла за прилавком модного универмага, куда доводилось зайти. Затем с легкостью покидала новое место жительства и обнаруживалась в образе знаменитой писательницы, пианистки или скрипачки, чьему таланту Пирстон поклонялся почти год. Однажды явилась танцовщицей в Королевском мавританском дворце варьете, хотя за время ее выступлений на этой сцене поклонник ни разу не произнес ни слова, а сама она даже не подозревала о его существовании. По опыту Пирстон уже знал, что даже десятиминутная беседа за кулисами прогонит неуловимый призрак в другое, еще менее доступное укрытие.

Возлюбленная являлась блондинкой и брюнеткой, высокой и миниатюрной, стройной и полной, красивой и просто миловидной. Лишь одно качество присутствовало неизменно: нестабильность обитания в образе. Поистине ничто в ней не было так постоянно, как непостоянство.

«Странно, – думал Джоселин, – что мой опыт, или идиосинкразия, или что бы там ни было, для других мужчин могло стать пустой тратой времени, а мне служит основательным творческим подспорьем». Действительно, все мечты воплощались в скульптурных образах и чудесным образом соответствовали общественному вкусу, который мастер никогда не стремился удовлетворить и даже презирал. Иными словами, Пирстон рисковал утратить репутацию серьезного художника и приобрести популярность столь же мимолетную, сколь блестящую и захватывающую.

– Однажды угодишь в ловушку, друг мой, – порой предупреждал рассудительный Сомерс. – Не хочу предекать, что впутаешься в неприятную историю: верю, что на практике ты столь же идеален, как в теории. Имею в виду, что процесс обратится вспять. Какая-нибудь женщина, чей идеал блуждает точно так же, как твой, привлечет внимание и заставит прилепиться подобно моллюску. Сама же отправится вслед за своим призраком, оставив тебя страдать в одиночестве.

– Возможно, ты прав, хотя мне кажется, что ошибаешься, – возразил Пирстон. – Во плоти она ежедневно умирает подобно апостольскому физическому воплощению. Когда я соприкасаюсь с реальностью, ее там больше нет, и потому не могу сосредоточиться на единственной инкарнации.

– Подожди, пока станешь старше, – заключил Сомерс.

Часть II

Молодой человек сорока лет

*Когда Любовь зовет к служенью,
Покорен я могучей воле.
Все, что несет она с собой:
Богатство, счастье иль страданье, —
Приму с открытою душой.*

Т. Уайетт

Глава 1

Прежний образ возвращается

Плодотворные годы художественных устремлений внезапно нарушила печальная новость: в Сандборне, куда отправился по совету врача, скоропостижно скончался отец.

Как опрометчиво напомнила Марсия во время ссоры, в быту Пирстон-старший проявлял скупость. Правда, сын никогда не испытывал ограничений в деньгах. Рачительный владелец каменоломни всегда оставался суровым хозяином и начальником, но в то же время был надежным казначеем, готовым платить хоть и бережливо, но справедливо. К всеобщему удивлению, на добыче камня старик сумел сколотить весьма значительный капитал, тем более для столь незаметного и скромного бизнеса, куда больше, чем представлял Джоселин. Пока сын воплощал эфемерные фантазии во вполне зримые и осязаемые формы, отец на протяжении полувека крушил скалы в проливе Ла-Манш, добывая материальную основу этих форм, а потом посредством лебедек и блоков, телег и барж отправлял добычу по всей Великобритании. Приведя в порядок все дела и, согласно отцовскому завещанию, продав бизнес, Джоселин обнаружил, что к тем двенадцати тысячам фунтов, которыми уже располагал благодаря собственным трудам и другим источникам, прибавилось еще восемьдесят тысяч.

Продав другую находившуюся в безусловном праве владения недвижимость, помимо каменоломни, поскольку жить на острове не собирался, Пирстон вернулся в Лондон. Он часто задумывался о судьбе Марсии. Когда-то он дал себе слово не беспокоить мисс Бенком, и в течение двадцати лет оставался верен обещанию, хотя порой, в минуты житейских невзгод, вздыхал о присутствии своевольной особе надежном здравом смысле.

Судя по всему, родители мисс Бенком умерли, а сама Марсия на остров не вернулась. Вероятно, за границей она с кем-то связала судьбу, так что по девичьей фамилии ее искать было бесполезно.

Некоторое время после смерти отца Пирстон не появлялся в обществе, но однажды вечером от скуки принял приглашение знакомой светской львицы, нанял экипаж и отправился на площадь, в элегантный особняк, где та жила три-четыре месяца в году.

Едва кабриолет свернул за угол, как взгляду открылся впечатляющий ряд домов на северной стороне. У подъезда одного из них стоял знакомый лакей с факелом в руке. На балконе светились разноцветные китайские фонарики. Пирстон сразу догадался, что обычный «небольшой ранний прием» в данном случае перерос в нечто грандиозное и позднее. Он вспомнил о недавно случившемся политическом кризисе, убедительно объяснявшем расширение круга гостей графини Ченнелклиф. Дело в том, что ее дом оставался одним из немногих политически нейтральных светских сообществ, которые партийные деятели предпочитали откровенно ангажированным собраниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.